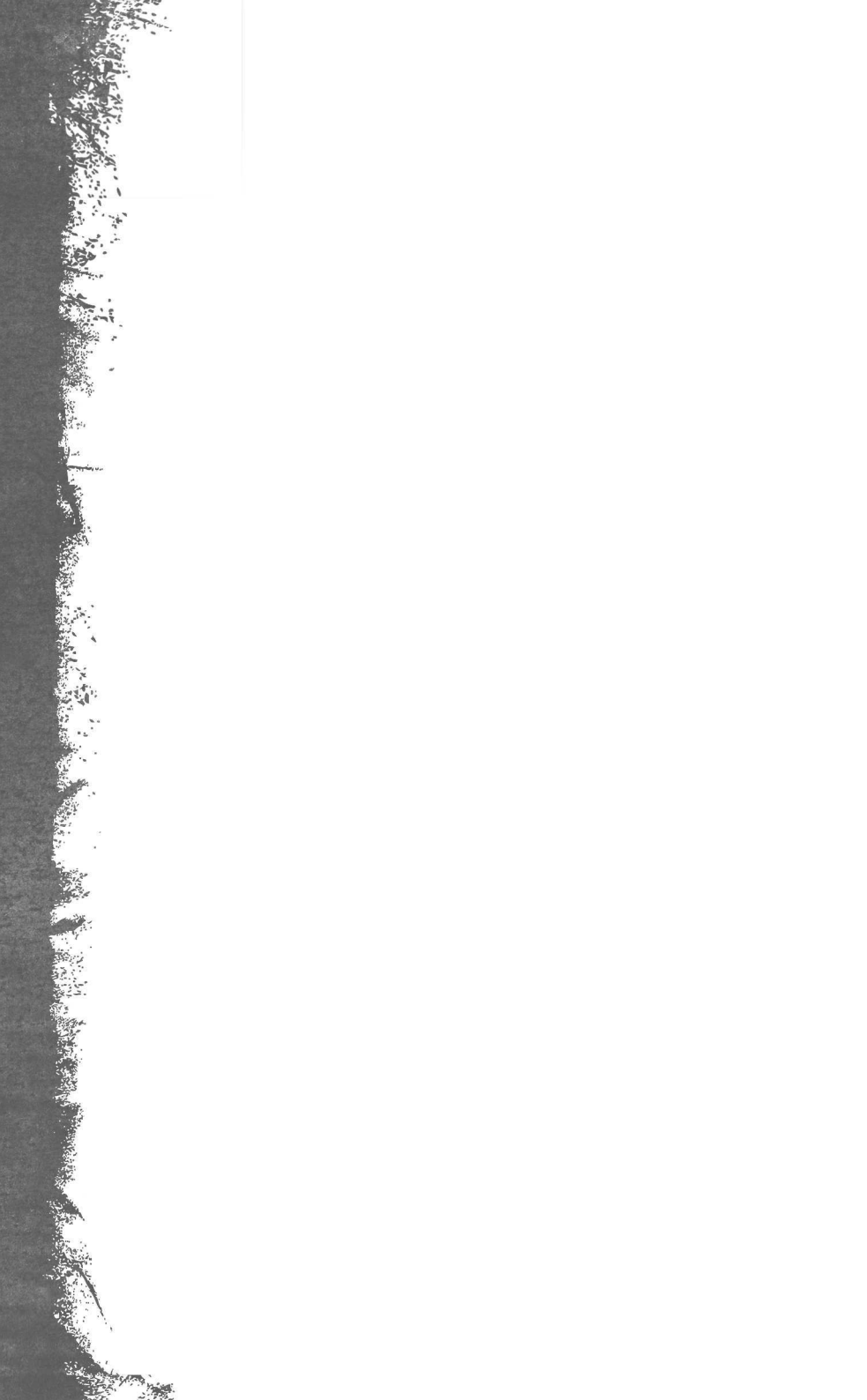

СУПЕРЧЕРНЫЙ
ТРИЛЛЕР

НИКТО НЕ ВИДЕЛ МАНДЕЙ

ТИФФАНИ
ДЖЕКСОН

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

Tiffany D. Jackson

MONDAY'S NOT COMING

MONDAY'S NOT COMING Copyright © 2018

by Tiffany D. Jackson.

This edition published by arrangement
with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

В оформлении переплета и суперобложки
использованы фотографии:

© ZOA PHOTO / Stocksy United / Legion Media;

© PauloMichel / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Джексон, Тиффани.

Д40

Никто не видел Мандей / Тиффани Джексон ; [перевод с английского М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Супер черный триллер).

ISBN 978-5-04-157999-9

Мандей не пришла в школу. Ни на этой неделе. Ни на следующей. Исчезла, не сказав ничего даже Клодии – своей лучшей подруге. А ведь они ближе чем сестры – между ними нет и не было никаких секретов. Тем более Мандей никогда не бросила бы ее вот так – после той фотографии и сплетен, один на один с заклятыми врагами...

Учителям и социальным службам все равно, от родителей помощи не дожدهшься... Никто даже не помнит, когда девушку видели в последний раз. Кажется, только Клодия понимает, что случилось нечто ужасное. Она должна найти подругу, пока не стало слишком поздно...

Пронзительный психологический триллер о дружбе, жестокости, унижении и травмирующих последствиях правды. В чем тайна исчезновения девушки? И почему никто ничего не замечает?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Смирнова М.В., перевод
на русский язык, 2022

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-157999-9

Посвящается Т. К.

СЕНТЯБРЬ

Это история исчезновения моей лучшей подруги. Того, как никто, кроме меня, не заметил этого исчезновения. И того, как никому не было дела до этого, пока ее не нашли... год спустя.

Я знаю, о чем вы подумали. Как может исчезнуть целый человек, тем более подросток, и чтобы никто не сказал ни слова? Допустим, если б в один ужасный день солнце взошло, а потом пропало с неба, кто-нибудь уж точно поднял бы тревогу, верно? Но, как говорит моя мама, не все вращаются вокруг одного и того же солнца. Я никогда не понимала значения этой фразы, пока Мандей не исчезла.

Вы ни за что не подумали бы, будто нечто подобное может случиться в Вашингтоне, городе, полном самых могущественных людей в мире. Никто даже вообразить не мог, что такое может произойти буквально на заднем дворе президента. Именно так думали мы, жители юго-восточной части Вашингтона, округ Колумбия. Если все твердят, что мы живем в тени государственной столицы, то как может одна-единственная пропавшая девушка перевернуть все вверх дном?

Мой врач утверждает, что я не должна больше об этом говорить. Но потом вышел подкаст, заново пересматривающий все произошедшее и ставящий это под сомнение. Кто-нибудь всегда способен увидеть ту или иную историю по-другому — как это бывает с розо-

вым цветом. Одни видят арбузный и фуксиевый, другие — коралловый и лососевый. Но в конечном итоге это оказывается старый добрый розовый.

Для меня эта история началась за день до первого дня учебы в восьмом классе. Нашего последнего года в средней школе — я думала, что это будет лучший год в нашей жизни...

Прежде

— Мам, ты не видела Мандей? — спросила я, едва выйдя из терминала в Вашингтонском национальном аэропорту имени Рейгана. Мои волосы все еще были заплетены в афрокосички, а кожа опалена южным солнцем до коричневого цвета.

— Ну ты даешь! Не могла хотя бы поздороваться сначала? Я тебя тоже все лето не видела, — хмыкнула мама, широко раскинув худые руки, и я радостно бросилась в ее объятия.

Каждое лето мама отправляла меня на два месяца в Джорджию к бабушке. Мы с Мандей обменивались письмами с забавными рисунками и статьями, вырезанными из газет, делились последними сплетнями и рассказывали друг другу, какую музыку слушаем сейчас. Но это лето было другим. Мандей так и не ответила мне ни разу. Без ее писем лето ползло медленно, словно сбежавшая из террариума черепаха. Я любила бабушку, но очень скучала по своей комнате, своему телевизору, а больше всего по Мандей.

Отражения огней мерцали в воде Анакостии¹, когда мы проезжали по мосту на авеню Мартина Лютера

¹ Анакостия — правый приток реки Потомак, протекающий в штате Мэриленд.

Кинга-младшего, а вдали виднелся бейсбольный стадион «Нейшнлс»¹. Когда мы сворачивали на Гуд-Хоуп-роуд, я заметила старые плакаты, все еще висевшие на заброшенном здании на перекрестке: «Сохраним «Эд Боро»! Это наша община! Это наш дом!»

Мама заблокировала дверцы машины, напряженно выпрямив спину. Как истинная южанка, она никогда не чувствовала себя в безопасности в большом городе, хоть и жила здесь с моего рождения. Чтобы отвлечь ее, я рассказала про письма без ответа. Она пожалала плечами, целиком сосредоточившись на управлении машиной, — вечером движение на дороге было очень плотным, — и пробормотала:

— Может быть, она просто не дошла до почты...

Но для меня это прозвучало как полная бессмыслица. Мы специально копили деньги и купили достаточно почтовых марок, чтобы нам хватило их на восемь недель разлуки. Моя бабушка не любила, когда дети играли с ее телефоном, а моя кухня постоянно занимала линию, болтая со своим парнем. Мандей знала, что я терпеть не могу писать, но мы обещали друг другу поддерживать связь, а обещание нельзя вот так просто взять и нарушить. Особенно если даешь его своей лучшей подруге, которую знаешь с первого класса.

— Я не знаю, Горошинка, — сказала мама, остановившись на светофоре возле винного магазина и нервно махнув рукой через окно машины кому-то знакомому. — Наверное, она была чем-то очень занята. Но когда она узнает, что ты вернулась, то наверняка сразу же примчится.

¹ Стадион команды «Вашингтон нейшнлс», выступающей в Главной бейсбольной лиге.

Зажегся зеленый свет, мама резко нажала на газ и спустя два квартала круто свернула налево к библиотеке Анакостии, потом направо, на улицу Ю-плейс. К нашему дому. Мы припарковались на улице. Я выскочила из машины, прихватив сумку с книгами, и бросилась к двери. Честно говоря, каждое лето у меня была надежда по возвращении обнаружить какое-нибудь чудесное преобразование. Не то чтобы я не любила наш дом — мне просто нравились сюрпризы. Допустим, сбегая вниз по лестнице рождественским утром, я всегда ожидала увидеть свежий слой терракотовой краски на стенах, новый диван взамен бежевого набора мягкой мебели, кухонные приборы из нержавеющей стали вместо наших старых мельхиоровых или новые лестничные перила, которые не будут скрипеть, когда на них опираешься.

Войдя в дом и обнаружив, что ничего не изменилось, я бросила сумку и принялась звонить Мандей с телефона возле лестницы. Может, этим летом она была так занята присмотром за своими младшими братишкой и сестренкой, что не хватило времени написать мне... Какова бы ни была причина, я не хотела даже думать об этом: меня буквально разрывало на части от всего, что я хотела рассказать Мандей. Спустя один короткий гудок автоматический женский голос сообщил мне, что набран неверный номер. Я знала наизусть только два телефонных номера: Мандей и свой собственный.

— Детка, уже висешь на телефоне? — пропыхтела мама, затаскивая мой чемодан в дом. — Ты времени зря не теряешь...

— У Мандей телефон не работает.

— Наверное, забыли повесить трубку или сломали аппарат, — предположила она, запирая входную дверь. — А теперь иди и быстро найди свою расческу. Нам нужно что-то сделать с твоими волосами. Какой

кошмар! Я же говорила маме, чтобы она расплела тебе косички перед отъездом!

Я взбежала по лестнице, перескакивая через две ступеньки, и открыла первую дверь справа. Моя комната осталась в точности такой, какой я ее оставила, — в полном хаосе. Точнее, моя двуспальная кровать была аккуратно застелена темно-баклажановым покрывалом, а мои рисунки, музыкальные плакаты и киноплакаты, развешенные на сиреневых стенах, остались на месте. Но у меня не было времени убрать палатку, которую мы с Мандей сделали из старых простыней и диванных подушек, когда она ночевала у меня перед моим отъездом. Палатка все еще стояла под полкой возле окна, выходящего на задний фасад библиотеки через дорогу.

— Клодия! Быстрее! — раздался крик снизу.

— Иду, мам!

Я схватила расческу с белого туалетного столика, заметив, что на стуле лежат новая раскраска и набор карандашей. Должно быть, папа оставил их прежде, чем уехал доставлять очередную партию груза.

— Клодия, давай уже! Мы так до утра провозимся!

Остаток вечера мы с мамой занимались тем, что расплетали мои косички, потом мыли и выпрямляли волосы. Ближе к полуночи я наконец-то рухнула в кровать настолько измотанная, что даже не обратила внимание на бурчание в животе. Что-то явно было не так, но я не могла понять, что именно.

* * *

— Клодия! — раздалось на следующее утро из кухни. — Ты опоздаешь к первому учебному дню!

Каждый год повторялось одно и то же: мама хотела, чтобы я, как сумасшедшая, сбежала по лестнице и изу-

милась грандиозному завтраку в честь первого дня нового учебного года: блинчики, на которых сиропом была выведена улыбающаяся рожица, омлет с сыром, каша и говяжьѣ сосиски.

Поэтому пришлось подыграть ей. Я перепрыгнула через последние две ступеньки и вбежала на кухню, одетая в школьную форму и новые кроссовки. Меня уже ждал накрытый к завтраку стол.

— Сюрприз! — сказала мама, выскакивая из укрытия. Ее короткие каштановые волосы все еще были накручены на бигуди. Иногда на свету в этих волосах среди золотистых бликов начинали проступать серебристые.

— Спасибо, мам! — засмеялась я, плюхаясь на стул.

— Не могу поверить, Кло, что на следующий год ты пойдешь в старшую школу. Я уже такая старая!

— Мам, ты ведешь себя так, будто не старше меня.

Она усмехнулась и потрепала меня за щеку.

— Так с матерью не разговаривают... Ладно, Горошинка, быстро ешь свой завтрак. Ты же не хочешь опоздать в школу и заставить Мандей ждать тебя?

Мама знала, какие слова нужно подобрать, чтобы ускорить меня. Что я скажу Мандей, когда наконец-то увижу ее? Я имею в виду — как она могла молчать все лето?

— Мам, можно Мандей придет к нам сегодня после школы? — не отрываясь от поглощения блинчиков, спросила я.

Она засмеялась.

— А ты опять за свое! Хорошо, пусть приходит. Только... сначала загляни к мисс Пол, ладно?

Я уронила вилку на тарелку.

— По-моему, ты говорила, что можно больше не заходить в библиотеку после школы. Мне не нужна нянька!

— Не нянька, — с невинным видом возразила мама. — Просто я хотела, чтобы ты поздоровалась с ней. Ну, и нет ничего плохого в том, чтобы сообщить кому-нибудь, где ты сейчас. Хлебные крошки, Клодия. Никогда не повредит оставить дорожку из хлебных крошек.

— Мне не были бы нужны никакие хлебные крошки, если б у меня был мобильник, — пробурчала я, уткнувшись носом в свое согнутое колено.

Мама фыркнула.

— Послушай, я не собираюсь это снова обсуждать. Мы же договорились: у тебя появится мобильник, когда ты перейдешь в старшую школу. А теперь собирайся, пора идти.

Я повесила на плечо свой новенький школьный рюкзак — темно-синий с фиолетовыми завитками. У Манди был точно такой же, только ее любимого розового цвета. Мы купили их перед моим отъездом в Джорджию. Перед выходом из дома я позвонила Мандей еще два раза. На всякий случай. Ответа не было.

В первый день мама всегда подвозила меня до школы, взяв отгул в ветеранской столовой, где она работала. В эти часы ее наверняка там не хватало, и на кухне без ее руководства царил полный хаос. Но мама всегда говорила: «С ребенком у тебя есть только один шанс, так что попасть нужно точно в яблочко».

Мы доехали до чартерной школы¹ имени Уоррена Кента и заняли место в длинной веренице других машин, ожидавших своей очереди, чтобы высадить детей

¹ Чартерная школа — школа, которая получает государственное финансирование, но функционирует независимо от установленной государственной школьной системы, в которой она находится.

у ворот. Они вели в огражденный двор, где школьники собирались по классам перед первым звонком. Прижимая вспотевшее лицо к стеклу, я скользила взглядом по морю красно-синей клетчатой формы в поисках розового рюкзака, похожего на мой.

— Мам, я не вижу Мандей. — В моем голосе читалась скрытая паника. Мандей всегда приходила в школу первой, иногда за два часа до остальных учеников.

— Я уверена, что она скоро придет, — отозвалась мама из-за руля машины, с трудом вклиниваясь на крошечный пяточок у ворот. — Ну что, хорошего учебного дня, Горошинка. Не забудь позвонить мне, как только вернешься домой.

Лавина неуверенности буквально пригвоздила меня к сиденью. Я не могла выйти из машины, не увидев сначала Мандей. Без нее школа казалась нереальной, невозможной. И мысль о том, чтобы оказаться одной в этой толпе...

БИП! БИП! — раздался сигнал позади нас.

— А ну, заткнись! — рывкнула мама в окно, потом повернулась ко мне. — Горошинка, что случилось? Ты нервничаешь?

Когда она говорит таким протяжным, чуть гнусавым голосом, я чувствую себя младенцем в детском автокресле, а не девушкой, которая через год пойдет в старшую школу. Если я и дальше продолжу вести себя так, то мама никогда не перестанет обращаться со мной как с маленьким ребенком.

Я покачала головой.

— Ничего, мам, всё в порядке.

Раздался еще один сигнал, куда более раздраженный, чем первый. БИ-И-ИП! Мама закатила глаза и улыбнулась — моя бравада ее ничуть не обманула.

— Клодия, она наверняка придет. Мандей, скорее всего, просто опаздывает или что-то в этом роде. А теперь посмотри туда. — Она указала на школьный двор, где один из дежурных держал большую табличку с надписью «Восьмиклассники». — Видишь, твой класс вон там. Может быть, подождешь вместе с остальными и придержишь место для нее? Наверняка тебе будет приятно встретиться и с другими своими подругами, а?

Шеренга моих одноклассников — моих заклятых врагов — была длинной. В отсутствие Мандей мне буквально предстояло нырнуть в кишашую акулами воду... истекая при этом кровью. Мама не знала, что Мандей — моя единственная подруга.

— Ладно, — я тяжело вздохнула, на что получила мамину улыбку.

— А теперь поцелуй меня.

Отстегнув ремень безопасности, я перегнулась через спинку переднего сиденья и чмокнула ее в щеку. Мама крепко обняла меня за плечи одной рукой.

— Я очень тебя люблю. Хорошего первого дня в школе!

Обняв ее в ответ и не желая отпускать, я прошептала:

— Я тоже тебя люблю, — и выбралась из машины, приняв бесстрашное выражение лица, хотя дышать было трудно.

Школа имени Уоррена Кента была небольшой, примерно на тысячу учеников, но, собравшись все вместе, они гомонили как целый миллион. Визги дошколят¹ пронзали барабанные перепонки. Третьеклассники и четвероклассники носились кругами. Шестикласс-

¹ В американскую школьную систему обучения входят дошкольные классы — аналог детского сада.

ницы и семиклассницы обнимались и хихикали. «Так же будем вести себя и мы с Мандей, когда она придет», — снова и снова приходилось напоминать себе, чтобы удержаться и не броситься обратно к машине. Я не могла перестать оглядываться на маму, которая так и смотрела мне вслед. Машины позади нее продолжали нетерпеливо гудеть.

«Она права, я просто накручиваю себя. Мандей обязательно придет. Она никогда не пропускала ни одного учебного дня».

Направляясь к своему классу, я нервно сглотнула. Все мои одноклассники выглядели старше и опаснее. Парни сделались выше, у девушек появились округлые формы. Я гадала, не выгляжу ли тоже иначе, чем прежде. Может быть, Мандей так изменилась, что я ее просто не узнала?

Возглавляла шеренгу Шейла Грин. По ее красивому смуглому лицу расплылась злобная усмешка. Она что-то шептала на ухо Эшли Хилтон, которая была в новых золотых сережках-кольцах. Они смотрели на меня и хихикали. Я развернулась, готовая бежать обратно к машине, но мама уже уехала. Вмиг вся моя напускная храбрость испарилась.

— О, гляньте, лесбуха вернулась, — хмыкнул Тревор Абернати. Белая рубашка ярко контрастировала с его черной кожей. Остальные зафыркали — монстры в школьной форме. Опустив голову, я заняла место в конце шеренги.

Тревор повернулся и дернул Шейлу за волосы, собранные в конский хвост.

— Парень, я не шучу, — рывкнула Шейла.

Он танцующим шагом сместился в сторону, пытается уклониться от взмаха ее руки. Остальные хихикали, поддерживая его.

«Ужасно по-детски, — подумала я. — Посмотрите на них — просто стадо болванов. И как они собираются перейти в старшую школу, если ведут себя так?» По крайней мере, они не последуют за мной. Еще год — и останемся только мы с Мандей. Но сейчас ей следовало поспешить мне на выручку, пока эта волчья стая не окружила меня.

Проходили секунды. Двор гудел голосами — все оценивали прически, обувь, украшения и школьные сумки друг друга: единственный способ как-то выделиться. Я открыла свою косметичку, припудрила нос и нанесла на губы еще один слой прозрачного вишневого блеска. Выглядела я довольно мило, но трудно было радоваться этому, когда единственного человека, которого хотелось видеть, здесь не было.

Мандей обычно заплетала волосы в косы, но мы решили, что в первую школьную неделю попробуем носить новые прически — более взрослые. Ну, понимаете, чтобы попрактиковаться перед старшей школой. Но я волновалась, что без нашей постоянной летней переписки она могла забыть об этом плане. Я все время поглядывала в сторону ворот и на часы.

Зазвенел звонок, и колонны учеников потянулись в здание, начиная с дошкольников, за которыми следовали первоклассники. Среди пятиклашек должен был быть младший брат Мандей, Огаст, но его нигде не было видно. И ее сестра Тьюздей¹ — разве она не должна была сегодня пойти в дошкольную группу?

— Где они? — пробормотала я себе под нос.

¹ В этой семье имена детям давались по названиям дней недели или месяцев: Эйприл (April) — «апрель», Мандей (Monday) — «понедельник», Огаст (August) — «август», Тьюздей (Tuesday) — «вторник».

Мои костлявые колени стучались друг о друга, когда дежурный выкликнул наш класс и мы медленно пошли ко входу в школу. Я не сводила глаз с ворот, надеясь, что в любой момент Мандей влетит в них, запыхавшаяся, в панике, с волосами, блестящими от ее любимого кокосового масла. Мы с облегчением обнимемся, и она снова будет рядом со мной — и мир вернется на круги своя. Но ворота исчезли из виду, сменившись бежевыми кирпичными стенами школы. Тяжелые двери отратно-коричневого цвета захлопнулись за моей спиной, решительно положив конец всем моим мечтам.

— Здравствуйте, восьмиклассники. Меня зовут мисс О’Доннелл. Я ваша новая классная руководительница и буду вести у вас первый урок в течение этого года, — сказала мисс О’Доннелл, начертив мелом на доске свое имя. — Первое правило: присутствующими считаются только те ученики, которые займут свои места в классе до того, как прозвенит второй звонок.

Мисс О’Доннелл — в течение года я возненавидела это имя — преподавала восьмиклассникам английский язык. У нее были короткие кудрявые светлые волосы с заметной сединой и бледная кожа. Покрытое морщинами лицо наполовину скрывали огромные очки. Одета она была в брюки с высокой талией, канареечно-желтую футболку и уродливые коричневые мокасины. В прошлом году мы познакомились с ней на празднике перехода в следующий класс, и кто-то из старших ребят сказал, что она — самая злобная учительница в школе, а может быть, и на всей планете.

— Теперь, когда я назову имя ученика, пусть он поднимет руку. Тревор Абернати?

Тревор как раз вовремя прекратил хихикать вместе со своими дружками.

— Здесь.

— Арлин Браун?

— Здесь.

Пока она вела переключку, я заметила, как плотно забита классная комната. Все места были заняты — не осталось ни одного пустого стола для Мандей. Где она будет сидеть, когда придет?

— Клодия Коулман?

— Здесь, — отозвалась я. Подняла руку и пошевелила пальцами так, чтобы свет играл на моем новом маникюре, сиреневом с розовыми полосками «под металл». Я добавила этот розовый ради Мандей.

— Карл Дэниэлс?

— Здесь.

Подождите, она что, не назвала Мандей Чарльз? Ее имя всегда шло перед моим. Неужели учительница взяла не тот список? Или Мандей перевели в другой класс? Может быть, но Мандей обязательно сказала бы мне об этом...

Правда?

* * *

— Привет, милая. Как прошел первый день? — спросила мама, вернувшись с работы и принеся несколько пакетов из бакалейного магазина.

— Мандей не пришла!

После школы я пять раз звонила Мандей. Автоответчик постоянно твердил мне, что номер набран неправильно. Днем мы сверяли классное расписание и распределяли шкафчики для вещей. После полудня я смотрела по телевизору повтор шоу «Дэнс мэшин¹», рисовала в новой раскраске и пыталась успокоиться — но все равно сидела как на иголках.

¹ «Dance Machine» — американское танцевальное телешоу, выходявшее на экраны в 2008 г.

— Правда? — Мама нахмурилась. — Ну, может быть, она придет завтра. Просто потерпи.

Я старалась терпеть. В конце концов, если я буду задавать слишком много вопросов, то могу привлечь внимание к тому, что у меня нет других подруг, — и тем самым положить начало бесконечной череде насмешек. Но Мандей не пришла ни во вторник, ни в среду, ни в четверг. В пятницу, когда мой желудок окончательно завязался в кучу тугих узлов, я набралась храбрости и спросила одного из ребят из ее квартала, не видел ли он Мандей.

— Не-а, — ответил Даррелл Синглтон, стоя у своего шкафчика и упаковывая в сумку пакет с остатками школьного обеда. — Не видел ее все лето.

Даррелл был самым крупным из учеников во всей школе. Он возвышался над всеми; его жирное круглое лицо было покрыто рытвинами, вмятинами и буграми. Школьная форма едва налезала на него, а от его шкафчика всегда несло испорченной едой, которую он прятал.

— Все лето? Ты уверен?

— Да. А что, она не гуляла с тобой?

Даррелл положил глаз на Мандей еще в четвертом классе, но она не обращала на него никакого внимания. Кто-кто, а уж он точно не проглядел бы ее. Я прижала к груди тетрадь по математике.

— Меня не было тут все лето.

— А-а, — пробормотал он, почесываясь сильнее, чем обычно. — Ну, я пару дней назад видел ее мать. Она стояла у соседнего дома... — Голос его прервался, а взгляд метнулся куда-то в сторону. Все знали, что дом по соседству с Синглтонами был тем, что Мандей называла «заправкой». Разные типы отовсюду, от Нью-Йорка до Флориды, заезжали туда, чтобы привезти или забрать *особый* груз.

На «заправке» можно было приобрести любые наркотики, какие только существовали.

— А ее брата или сестер не видел?

Он задумчиво почесал в затылке.

— Не знаю... может, и видел.

* * *

Мне не разрешали ходить к Мандей без взрослых, но я все равно поехала на своем фиолетовом велосипеде вдоль по тротуару — сунуться на оживленную дорогу мне духу не хватило. Мама работала в сдвоенную смену, а папа только ехал домой из своего последнего рейса. У меня было немного времени, позволяющего ускользнуть из дома. Чтобы за целую неделю от Мандей не было ни единой весточки? Что-то стряслось, и я должна была узнать, что именно. С помощью родителей или без нее.

Может быть, Мандей снова подхватила грипп? Она уже и раньше болела — и не ходила в школу целый месяц. Но почему тогда она не ответила ни на одно мое письмо? А если Мандей заболела, почему ее брат тоже не ходит в школу? Не могли же они все разом заболеть! И что с ее телефоном?

Мандей жила в комплексе «Эд Боро», одном из самых больших в Вашингтоне районах социального жилья. Это была целая деревня из одинаковых домов кремового цвета, сгрудившихся, словно домики в «Монополии», в тени гигантских деревьев вдоль реки. От соседних районов этот комплекс отделяли автострады. Он располагался примерно в пятнадцати минутах пути от моего дома. Мама с папой говорили, что «Эд Боро» — отстойник. Я имею в виду, ни одна часть Юго-Востока не была особо приятной, но «Эд

Боро»... не хотелось бы мне оказаться там поздно вечером.

За все время знакомства с Мандей я никогда не бывала у нее дома — ни единого раза. Мама не разрешала мне этого, как и сама Мандей. Причину я поняла намного позже. Как-то мы подвозили Мандей до дома. Моя мама ждала, пока она не войдет внутрь, и при этом нервничала, каждую секунду оглядывалась через плечо и трижды проверяла, заблокированы ли дверцы машины.

Поэтому я старалась ехать побыстрее; миновав знак с надписью «Жилой комплекс “Эд Боро”», проехала два квартала мимо знаменитых баскетбольных площадок, где проходил турнир Летней лиги, и остановилась у дорожки, ведущей к дому Мандей. Прислонила свой велосипед к высокому дереву, нависшему над домом, и пошла по потрескавшейся бетонной дорожке. На неприглядной бурой двери с номером 804 не было кнопки звонка. Я дважды постучала. Кровь бурлила от тревоги; никогда раньше мне не приходилось быть так близко от ее дома.

Сквозь дверь грохотал телевизор. Кто-то смотрел «Симпсонов» — так громко, что слышно было, наверное, даже в Белом доме. Я постучала снова и начала сдирать с ногтей облупившийся лак, внезапно осознав: «А ведь Мандей ненавидит “Симпсонов”!»

— Кто там? — рывкнул через дверь неприветливый женский голос.

— Здравствуйте, миссис Чарльз. Это Клодия.

Наступила пауза. Кто-то шаркал ногами и ворчал, потом щелкнул замок, и дверь чуть-чуть приоткрылась. В щелку выглянул глаз с пожелтевшим белком.

— Кто?

— Э-э... К-клодия, — выдавила я.

Она смотрела так, как будто не узнавала меня — будто не знала меня почти всю мою жизнь. Моя кожа похолодела, а ладони вспотели. Миссис Чарльз открыла дверь наполовину и встала в проходе так, чтобы я не могла видеть, что там внутри. Она была высокой женщиной; каждая из ее грудей была размером с мою голову. На ней были мужская майка, черный спортивный лифчик и красные баскетбольные шорты; волосы закручены в узел и заколоты «невидимками». Я никогда раньше не замечала, что у нее такое же угловатое телосложение, как и у Мандей.

— Клодия? — В ее голосе звучало отвращение, словно от меня воняло. — Что ты здесь делаешь?

Телевизор, орущий у нее за спиной, мешал мне думать. Что я здесь делаю?

— Э-э... а Мандей дома?

Она дважды моргнула и сменила позу, уперев обе руки в бока.

— Ее нет дома.

— Э-э... ясно. А она придет в школу в понедельник?

Скривив почерневшие губы, женщина прорычала:

— Почему ты задаешь так много вопросов? Я же сказала: ее здесь нет! А теперь убирайся! Ты же знаешь, что твоя чертова мамаша не разрешает тебе ходить сюда.

Весь район слышал ее вопли, но никто, кроме меня, не мог почувствовать запах выпивки, которым несло у нее изо рта. Все волосы на моем теле встали дыбом. Мне хотелось развернуться и кинуться к своему велосипеду. Миссис Чарльз никогда раньше не разговаривала со мной так. Может быть, я перешла черту, когда заявила сюда искать Мандей, стала задавать вопросы и разговаривать со взрослым человеком так нахально, как сказала бы моя мама... Но я не могла просто взять

и уйти. Не могла этого сделать, не найдя вторую половинку себя.

— Но... где Мандей? Что случилось?

Миссис Чарльз рванулась ко мне. Я отпрянула назад, споткнулась о трещину в бетоне и с размаху рухнула на дорожку, ободрав ноги о разбросанные камешки и не имея духу вскрикнуть.

— Я же уже сказала — ее здесь нет! А ТЕПЕРЬ ВАЛИ ОТСЮДА!

В горле встал ком, когда она нависла надо мной, наклонившись так сильно, что мы чуть не столкнулись лбами. Ее руки сжались в кулаки, и она отвела одну ногу назад, собираясь пнуть меня в бок. В голове взвыла сирена, но я абсолютно не чувствовала ног, не могла хоть немного пошевелиться. Примерзнув к земле, я сжалась в ожидании удара. Но она вдруг остановилась и посмотрела мимо меня. В окне соседнего дома шевельнулась занавеска.

Миссис Чарльз фыркнула и сердито посмотрела на меня, как будто решая, что дальше делать.

— Уматывай, — пробубнила она, захлопнув дверь.

Локти подломились, и я упала на спину, выкашливая воздух. Телевизор вопил так, словно стоял рядом со мной. Лежа на земле и дрожа всем телом, я смотрела на проплывающие в небе облака и гадала, как Мандей может жить в одном доме с таким чудовищем.

* * *

В субботу папа вернулся из того, что называл «короткой поездкой» — до Техаса и обратно. Он работал водителем грузовика на автомобильном заводе и возил новенькие блестящие машины в салоны продаж по всей стране, так что мог отсутствовать дома

по несколько недель, в зависимости от расписания рейсов.

— Привет, Горошинка! — Едва войдя в дверь, он подхватил меня на руки и поцеловал в щеку.

— Папа! Перестань! Я уже не маленькая, — я старалась говорить серьезно, но все равно хихикала. Он засмеялся.

— Ты всегда будешь моей маленькой девочкой. У тебя сегодня были занятия по танцам?

— Танцы начинаются только на следующей неделе.

— Ну, сообщи мне, какого размера трико мне понадобится, чтобы присоединиться к вам.

— Пап, ну прекрати!

— Я серьезно. Я вполне могу влезть в супербольшой размер, надо только отказаться от куриных крылышек.

— Папа! — рассмеялась я, когда мы направились в кухню.

— Надеюсь, ты хотя бы иногда выбираешься из дома. Скажем, прокатиться на велосипеде вокруг квартала...

Я выдавила улыбку, вспоминая долгий обратный путь от дома Мандей.

Мама стояла у плиты и жарила зубатку. На столе уже стояла лимская фасоль с ломтями горячего хлеба. Папа поцеловал маму в шею. Она вывернулась и с широкой улыбкой принялась отгонять его кухонным полотенцем. Эти двое вечно вели себя, как влюбленные подростки, заставляя окружающих посмеиваться.

Родители встретились в кафе для дальнобойщиков под Атлантой, где мама пекла блинчики. Папа говорит, что это была любовь с первого взгляда, и он с радостью вызвался в очередной долгий рейс только для того, чтобы вновь ее увидеть. А спустя шесть месяцев сделал ей предложение и привез к себе домой, в Ва-

шингтон. Ему тогда было двадцать девять лет, а маме едва исполнилось девятнадцать.

Папа у меня большой, грузный, с сияющей лысой головой и бицепсами размером с туловище младенца. Он был защитником в футбольной команде своего колледжа, но в предпоследний год учебы повредил спину. Поскольку он не учился, а только играл, ему пришлось бросить учебу. Мама говорит, что колледж не для всех. Ученая степень не сделает тебя умным, а папа — самый умный из всех, кого я знаю. До того как встретить маму, он откладывал каждый цент, вырученный за перевозку автомобилей, и этого оказалось достаточно, чтобы купить наш первый дом.

Мама достала из духовки макаронны под сыром, и мы сели за стол ужинать — это был наш ритуал для субботних вечеров.

— Итак, — сказал папа с набитым ртом, — как прошла твоя первая неделя в школе?

— Мандей ни разу не появилась.

— Правда? А где же она?

Я пожала плечами.

— Не знаю.

— Ты пробовала ей звонить?

— У ней телефон не работает.

— У нее телефон не работает, — поправила меня мама, передавая папе острый соус. — Нужно правильно говорить по-английски, дочка. Я не хочу, чтобы люди подумали, что ты у нас совсем необразованная.

Папа улыбнулся ей.

— Слушай маму, Горошинка. Как бы безумно это ни звучало.

Мама бросила на него сердитый взгляд, но от его улыбки засмушалась.

Я слегка поерзала на стуле. От падения на дорожку перед домом Мандей у меня на ягодицах остались болезненные синяки. Я не рассказала маме о случившемся. Ей было бы плевать на то, как дико вела себя миссис Чарльз — прежде всего маму обеспокоило бы то, что я вообще поехала туда. Но я не могла забыть взгляд, брошенный на меня миссис Чарльз, и резкость, прозвучавшую в ее хриплом голосе. Мама Мандей не была милой и славной, но не была и злобной тварью. Мандей никогда не упоминала, что ее мама могла так злиться на кого-то. Может быть, я просто застала ее в плохом настроении?

— Пап, ты можешь завтра отвезти меня к Мандей? — Я решила, что если приеду туда не одна, а с подмогой, то при следующей встрече миссис Чарльз может повести себя нормально.

Папа вздохнул.

— О боже, Горошинка, могу я завтра выспаться? Я устал, как не знаю кто. И к тому же у нас завтра репетиция.

Папа играл на конгах¹ в гоу-гоу-бэнде под названием «Шоу бойз», вместе с моим дядей Робби. Гоу-гоу — это музыка, появившаяся в Вашингтоне. Благодаря таким группам, как «Джанк ярд», «Рэр эссенс», «E.U.» и Чаку Брауну, прозванному «крестным отцом гоу-гоу», Вашингтон стал известен не только как средоточие политики. Папа и дядя Робби основали свою группу еще в старшей школе и в те времена выступали в битком набитых закусочных. «Шоу бойз» не особо известны, но для жителей Юго-Востока это не так важно, если ты исполняешь *заводную* музыку и выкрикиваешь на-

¹ Конга — узкий кубинский барабан, напоминающий высокую бочку.

звание своего района или квартала. Мои ровесники не очень-то увлекаются такой музыкой — не то что раньше. Мандей всегда говорила, что я родилась не в то десятилетие.

— И еще завтра нам нужно сходить в церковь, — добавила мама. — На тот случай, если ты забыла.

Я вздохнула.

— Нет, не забыла.

Мама хмыкнула.

— Может быть, она просто болеет... Не исключено, что в понедельник она примчится в школу с самого утра! Ты же ее знаешь.

Подумав об этом, я улыбнулась.

— Верно. В понедельник!

Понедельник был любимым днем недели у Мандей, и не только потому, что она была названа в честь него. Мандей любила этот день сам по себе. Она приходила в школу рано, как обычно, и сияла, словно солнышко, даже в разгар зимы, когда от холодного ветра склеивались ресницы.

Стояла у ворот, одетая в тонкое пальто и совершенно не подходящий по цвету шарф, ожидая, пока двери откроются.

— Почему ты так радуешься, приходя в школу? — ворчала я, тоскуя по своей теплой постели. — Никто не радуется школе. Особенно по понедельникам.

Она пожимала плечами.

— Я люблю школу.

Я закатывала глаза.

— Но школа не любит нас.

А она смеялась:

— Понедельники — самые лучшие дни! Разве ты не предвкушаешь начало новой недели? Это все равно что новая глава в книге. А самое лучшее — пусть даже

в школе, мы можем снова быть вместе целый день, целую неделю.

Поэтому утром в понедельник я выпрыгнула из автобуса и стала ждать у ворот; в сумке у меня лежал ломтик маминого ананасового торта. Мандей любила мамину выпечку, и я была уверена: проболев так долго, она оценит сладкое угощение. Я ждала и ждала, пока не прозвенел звонок. Мандей так и не появилась.

Вернувшись домой, я снова позвонила Мандей, и автоответчик опять сообщил об ошибке. Я с криком бросила трубку на рычаг. Я не могла ошибиться! Мы дружили с Мандей целую вечность. Я знала ее лучше, чем себя: ее любимым цветом был розовый, она обожала крабовые ножки и кукурузу в початках, ненавидела опаздывать, и у нее была аллергия на арахис. Зная все это, я не могла игнорировать голос, звучащий у меня в голове.

Что-то было не так.

После

Я люблю грифельные пылинки, которые наточенный цветной карандаш оставляет за собой, проводя первую линию. Люблю звук, который он издает, касаясь страницы, когда я заполняю пустые поля. Первый мазок яркого цвета на безупречной белой странице, начало чего-то нового... Такое чувство, будто я занимаюсь только раскрашиванием с тех пор, как папа в какой-то статье прочитал, что это оказывает на меня терапевтическое воздействие. Здорово, что он перестал покупать детские раскраски и начал дарить мне другие, с более сложными и изящными рисунками. Геометрические и психоделические формы, мозаики,

мандалы... В этом хаосе есть спокойствие, которого не видит большинство людей.

Я неспешно выбираю правильный оттенок. Есть четкое различие между барвинково-голубым и кобальтово-синим цветом. Оттенок должен быть правильным, иначе вся гармония рисунка будет разрушена.

Такой же разрушенной я чувствовала себя без Мандей.

— Разве тебе не нужно делать домашнее задание? — спросила мама, держа в руках охапку свежей стирки.

— Сегодня суббота, — с улыбкой ответила я, валяясь на диване с раскраской на коленях и наслаждаясь громкой музыкой. Я бы посмотрела телевизор, но папа еще не починил его. Наш телик стоял на двух старых корпусах от динамиков, и никто не трогал его черт знает сколько времени.

— Это не значит, что тебе не нужно делать домашнее задание, чтобы не заниматься этим завтра после церкви.

— Mam, мне просто... — Зазвонил телефон, и я спрыгнула с дивана. — Я возьму!

Мама отскочила с моего пути, когда я ринулась за телефонной трубкой.

— Алло? Алло!

— Алло, Клодия? Здравствуй, это сестра Бёрк из церкви. Как дела? Твоя мама дома?

Мое сердце сдулось быстрее, чем проколотый воздушный шарик.

— Здравствуйте, мисс Бёрк. Подождите секунду, она здесь, рядом.

Когда я передала маме трубку, мои руки бессильно повисли. Мама сочувственно улыбнулась мне.

— Ждешь кого-нибудь, Горошинка?

Я вздрогнула, покачав головой, и потопала обратно на свое место.

— Здравствуйте, сестра Бёрк, — произнесла мама, пристраивая корзину с бельем на бедро. — О, у нее все хорошо. Очень хорошо. Сейчас эта лентяйка валяется на диване, но все равно помолитесь за нее, ладно? А как у вас дела? И у Майки? Хорошо, хорошо... Значит, вы звоните насчет того заказа? Да, завтра вам доставят те пироги.

Мама развивала свое дело по приготовлению и доставке еды, которым занялась несколько лет назад. Людям нравились ее картофельные салаты, пироги с курицей и свиные ребрышки-барбекю.

— Черт... — Спеша поднять телефонную трубку, я ободрала себе ноготь. Пришлось бежать наверх, чтобы достать из органайзера жидкость для снятия лака. Мой органайзер — это что-то с чем-то. Назовите цвет — и я выдам его вам. Земляничное мокко, светлая мята, гранитно-серый... Я так хорошо умела красить ногти, что могла бы открыть собственный салон. Однажды я сказала об этом маме, и на следующий день она пригнала мне кучу буклетов из соответствующего колледжа.

Этот цвет назывался «дьявольская слива» — глубокий матовый пурпурный оттенок, который я подчеркнула крошечными лавандовыми стразами; в цвет дневника, который Мандей в прошлом году подарила мне на Рождество. Он стоял нетронутый на полке рядом с телевизором. Это был странный подарок. Я имею в виду, Мандей знала, как сильно я ненавижу английский язык. А писать что-то за пределами школы было для меня настоящей пыткой. Но мне так много нужно было ей сказать, так много поведать! Не раздумывая, я открыла этот дневник. Сжимая ручку вспотевшими пальцами, попыталась накорять несколько слов. Просто для того, чтобы ничего не забыть.

Дорогая Мандей!

Где ты? Бабужка купила мне новый ливчик. А у нас сейчас один размер груди, да?

За год до прежде

— О боже, поверить не могу, что так похолодало! И как будто всего за одну ночь. Посмотри, какая темень. Как это называется — переход на зимнее время? Когда он снова будет?

Мандей обернула шею толстым красным шарфом, дрожа в своей джинсовке. По правде говоря, это была моя куртка, которую я одолжила ей несколько месяцев назад. У Мандей не было куртки, да и вообще на ней моя джинсовка смотрелась лучше. Мы шли домой из школы, и пронсящиеся мимо машины обдавали холодным ветром наши голые ноги. Пора было надевать теплые колготки.

— Подруга, ты меня вообще слушаешь? Ты слышала, что я сказала? Пастор хочет, чтобы я — я! — в это воскресенье зачитывала в церкви отрывок из Писания. Перед всеми людьми! Я не могу! Я все испорчу, опозорюсь, и тогда...

Взгляд Мандей смягчился, она почесала себя за косичкой «рыбий хвост» под красной банданой. Мандей могла заплести чьи угодно волосы так, что это смотрелось круто. Когда она оставалась у меня с ночевкой на выходные, то заплетала мои волосы так же, как свои, так что в школе мы выглядели, словно близняшки.

— Ну так просто притворись больной, — посоветовала она, пожав плечами. Потом сунула в рот вишневый леденец, пока я разворачивала свой яблочный.

— Я не могу. У нас в приходской танцевальной группе выступление. Мы репетировали его несколь-

ко недель. Мама уже подогнала на меня костюм и все такое.

Мандей ухмыльнулась липкими красными губами.

— Черт, тебя в этой церкви заставляют потрудиться ради Иисуса... Тебе хоть платят что-нибудь? Может, мне тоже поучаствовать?

— Заткнись! — засмеялась я и шутливо толкнула ее.

— Я могу выступать в приходской танцевальной группе. Смотри!

Она побежала впереди меня, на каждом шагу взмахивая длинными руками и покачивая бедрами. За лето перед седьмым классом Мандей каким-то образом ухитрилась подрасти, обогнав меня. Ее грудь выпирала под блузкой, а под клетчатой юбкой обрисовывались округлые формы. Дважды в неделю дежурные на входе заставляли ее проходить проверку на длину юбки. Рядом с ней я выглядела плоской, как доска.

Она остановилась, развернулась, изображая бесстрастное лицо, замедленным движением воздела руки к небу, потом склонилась, как в молитве.

Я засмеялась.

— Лучше не шути с этим, не то Иисус поразит тебя на месте!

Мандей подпрыгнула, ухмыляясь.

— Йо, но это было типа круто! Когда придем домой, надо добавить это к ежедневным занятиям.

— Ага, — согласилась я.

Мимо прополз заниженный «Кадиллак».

— Эй, Клодия, какого он цвета? — Мандей хихикнула.

— М-м-м... вроде как смесь ржавого и абрикосового с желтым оттенком.

Она засмеялась.

— Ты ужасно странная... О-о-о! Давай зайдем в кафешку. Я умираю с голоду.

Мандей затащила меня в «Гуд хоуп кэрриаут», где продавали навынос китайскую еду. Она находилась в нескольких кварталах от нашего дома, и мы часто забегали туда по пятницам после школы перекусить.

— Значит, ты действительно думаешь, что мне нужно просто... притвориться больной? — спросила я, пока мы стояли в очереди.

— Ты не можешь просто притвориться больной. Тебе нужно бросить все это. Только так ты сможешь избавиться от этого.

— Бросить? Не ходить в церковь? Ты с ума сошла! Мама убьет меня!

— Ну а какой еще выбор у тебя есть? Ты собираешься встать и читать Писание перед всеми? Читать столько всяких *слов*?

Я слотнула и покрепче ухватилась за ляжку своего школьного рюкзака. Мандей была права. Они попросят меня, а я не могу рисковать своим позором перед прихожанами.

— И как мне бросить? — пробормотала я, глядя в пол.

Она пожала плечами.

— Скажи маме, что не хочешь больше ходить туда, что тебя это напрягает.

Мандей всегда лгала невероятно умело, как будто от этого зависела ее жизнь. Я никогда не смогла бы так убедительно врать, даже ради спасения собственной кожи.

— Черт, да мама разозлится, как не знаю кто... — Мне ненавистна была сама мысль разочаровать ее.

Мандей проворчала, глядя куда-то в сторону:

— Она никогда так уж сильно не злится.

Когда мы дошли до стойки, Мандей стала делать заказ за нас обеих. В нашем дуэте она была ведущей

и всегда заговаривала первой, пока я мялась где-то сзади. Хочу сказать, что на самом деле я не была застенчивой или боязливой, просто Мандей лучше умела находить язык с посторонними. Людей всегда тянуло к ней, но я не хотела делить ее с кем-то еще.

— Две порции курицы с соусом мамбо и дополнительной порцией соли.

— Столько соли тебе вредно, ты же знаешь, — упрекнула я. Она закатила глаза.

— Да, бабуля, знаю. Черт, я кошелек дома забыла... У тебя деньги есть?

Я мрачно взглянула на нее и достала десять долларов, которые дал мне папа. Мандей ухмыльнулась.

— Спасибо, в следующий раз угощаю я. И нам сейчас даже хватит на холодный чай!

Дверь позади нас распахнулась, и в кафе ввалилась толпа парней: плотные дреды, длинные черные футболки, толстовки с капюшонами; один держал под мышкой баскетбольный мяч.

Я придвинулась ближе к Мандей. Она лишь окинула их быстрым взглядом; похоже, они не произвели на нее впечатления.

— *Для меня что-то плохо*, — прошептала она мне на тайном языке, который мы изобрели в пятом классе. «У тебя всё хорошо?»

— *Спагетти*. — «Всё в порядке».

Она кивнула и еще раз посмотрела на парней.

— *Если десятка слева — небезопасно*. — «Вон тот, справа, — симпатичный».

— *Я умница?* — «Ты чокнулась?»

Она ухмыльнулась и снова повернулась к кассиру за пуленепробиваемым стеклом.

— Черт, как же долго! Мы не можем торчать тут весь день, понимаете?

Один из парней покосился на ее голые ноги, что-то пробормотал остальным, и все они засмеялись. Я придвинулась к Мандей еще ближе, удивляясь ревности, вдруг вскипевшей у меня в груди.

— Вы что, близняшки или как? — спросил один из парней под гогот остальных.

Мы любили такие вопросы, потому что и так притворялись, будто мы близнецы. Однако на их жалкую приманку не клюнули. Мандей быстро оглянулась и забрала наш заказ. Затем схватила меня за руку и потащила к двери как раз в тот момент, когда один из парней загородил нам дорогу. Мандей налетела прямо на него и отпрянула назад.

Он ухмыльнулся, окинув ее взглядом.

— Виноват, мелкая. Прошу прощения!

Словно лань, застигнутая светом фар, она ахнула и, пошатнувшись, наткнулась спиной на меня. Массивная фигура парня перекрыла дверной проем, а его дружки слезли со своих мест и окружили нас. У меня возникло чувство, что нас загнали в угол. Быстро подхватив Мандей под руку, в пару шагов мы ухитрились обойти парня с левой стороны и выскочили за дверь кафе.

Молча прошли два квартала, потом Мандей выдохнула:

— Но он все равно симпатичный.

— Ты что, ему уже лет семнадцать! Они из старшей школы! И какое им до нас дело?

Она усмехнулась и пожала плечами.

— Ну и что, он все равно симпатичный... И мы уже не маленькие девочки.

В тот год разговоры о парнях от гипотетических мечтаний о рэперах и кинозвездах перешли к более реальным обсуждениям соседей и одноклассников.

— Ты запала на одного из них, а? — поддразнила Мандей. Я втянула воздух сквозь зубы.

— Да кому интересны эти козлы? Они воняют, как горелый жир у мамы на кухне. Такое впечатление, что они две недели не мылись.

Мандей засмеялась.

— Неважно!

Мы прошли через автоматические двери библиотеки Анакостия, где за информационной стойкой сидела мисс Пол.

— Здравствуйте, мисс Пол, — в один голос сказали мы.

— Здравствуйте, девочки. Счастливой пятницы!

— Мы просто отметиться, — сказала я.

— Прямо как книги, — засмеялась мисс Пол. — Хорошо, я сообщу твоей матери, что ты заходила.

— Спасибо, мисс Пол!

Каждый день после школы я заходила в библиотеку, где мисс Пол присматривала за мной, пока мама была на работе. За это мама платила ей несколько долларов в неделю и по воскресеньям в церкви передавала несколько порций еды. Это было даже круто. Я целыми часами торчала в медиацентре, смотрела фильмы или листала журналы. Минимум три раза в неделю Мандей болталась там вместе со мной, и мы смотрели ролики на «Ютубе» с библиотечных компьютеров. Мама разрешала проводить время и у нас дома, но только если сначала отметиться у мисс Пол. Хлебные крошки.

Мы принесли домой еду, купленную в кафе, и съели жареную курицу с соусом у меня в комнате, запивая холодным чаем. У Мандей был аппетит, как у взрослого мужчины, — иногда она могла съесть столько, что хватило бы на троих. Я прибрала устроенный на-

ми беспорядок, а то мама терпеть не могла, когда мы ели в моей комнате. Манди схватила с полки две мои куклы.

— Ты думаешь, те парни пытались заигрывать с нами? Типа по-настоящему? — Она плюхнулась на мою кровать; Кен и Барби танцевали у нее в руках.

— Да. Похоже на то.

Мандей усмехнулась, лицо оживилось, и она замачала ногами.

— *Привет, красотка!* — сказала она низким голосом, подражая Кену. — *Как тебя зовут?* — Потом заговорила высоким голосом за Барби: — Меня зовут Клодия. *Хм, Клодия? Мило. А сколько тебе лет?* Ха, много! *Ну хорошо, давай сделаем это!*

Она свела кукол вплотную, изображая звуки поцелуев и стоны.

— Перестань! — Я со смехом толкнула ее в бок. — И прекрати портить мою Барби.

— Да, бабуля! — хихикнула она. — Ладно, пора репетировать.

Она вскочила на ноги и включила мой «Айпод», подключенный к колонке. Я встала рядом с ней.

— Готова.

— Хорошо, сначала, когда заиграет музыка, мы сделаем так... — Мандей присела на корточки, потом вскочила, вскинув руки. — Дальше крутимся и переходим вот к этому. — Она изобразила модельную позу и двинулась вперед подиумным шагом, ритмично взмахивая руками, как регулировщик движения. *Бум. Взмах, взмах. Шаг, шаг.* Я узнала движения из «Ютьюб»-ролика одной техасской танцевальной команды.

Чаще всего, зависая у нас, мы выполняли упражнения под музыку, прокручивая ее снова и снова, пока ритм не начинал звучать у меня в голове, словно мой

собственный пульс. Мандей могла танцевать до упаду. Я не могу описать это по-другому. Ей достаточно было три раза посмотреть «Сингл лейдиз» Бейонсе, чтобы выучить наизусть всю последовательность движений. Миссис Чарльз не могла позволить себе оплату танцевальной школы для Мандей. Мои родители, пусть и с трудом, но платили, поэтому я показывала Мандей все повороты и прыжки. В конце концов она начала выполнять их лучше, чем я.

Следуя ее указаниям, я добавляла свои собственные наработки. Мы любили обсуждать нашу хореографию, отсчитывать шаги и давать названия нашим безумным танцам — «горячее масло и мука», «сожми булки», «цветочная дорожка».

— Подруга, расслабься! Чего ты такая зажатая? — рассмеялась Мандей.

— Я расслаблена!

Мы пребывали в собственном мире, с собственным языком и обычаями. Мы жили внутри плотного сияющего пузыря, и ни одна игла не была достаточно острой, чтобы проколоть его.

— Эй, знаешь что? — спросила Мандей, запыхавшись и выключив музыку. — Может быть, нам следует пойти на пробы в группу чирлидинга¹?

Я замерла на месте.

— Что?

— Я слышала, как мисс Валенте разговаривала об этом с Шейлой и Эшли. Она сама когда-то была чирлидершей и говорила, что это весело. Нам тоже нужно пойти туда!

¹ Чирлидинг — группа поддержки; вид спорта, сочетающий элементы танца, гимнастики и акробатики. Часто группы чирлидинга выступают в рамках спортивных матчей для привлечения внимания и поддержки зрителей.

Я прикусила нижнюю губу. Когда это Мандей успе-
ла поговорить с мисс Валенте без меня?

— Я думала, мы собирались подождать до старшей
школы и тогда уже попробовать податься в танцеваль-
ную группу...

— Мы можем сделать и то и другое!

— Но... зачем?

Она пожала плечами, не глядя на меня.

— Не знаю. Но это было бы круто. И вообще, мы
танцуем лучше, чем они.

У нас и без того было достаточно проблем с Шей-
лой и Эшли, и меньше всего нам нужно было лезть на
чужую территорию, чтобы нарваться еще сильнее.

— Не-а, не хочу.

— Что такое? Ты боишься или как? Послушай, нас
там будут любить, особенно тебя — ты же знаешь все
эти прыжки и прочие штуки...

Она была права только в одном: они полюбили бы
ее, Мандей. Достаточно сильно, чтобы забрать ее у меня.

— Нет, просто... ладно, лучше все-таки отработать
танцы. А не тратить время на то, чтобы махать пом-
понами за каких-то там тупых парней, которые веч-
но проигрывают. И я слышала, что «Америказ дэнс
челлендж»¹, кажется, скоро будут проводить отбороч-
ный тур в Вашингтоне.

Мандей выпрямилась, глаза ее засверкали.

— Правда? Они приезжают в Вашингтон? Когда?

Я пожала плечами, с невинным видом отмахнув-
шись от вопроса.

— Не знаю. Но, наверное, скоро, так что нам надо
готовиться.

¹ «America's Dance Challenge» — американское телевизионное шоу, танцевальное соревнование.

Она улыбнулась и кивнула.

— Да, думаю, ты права. Но вообще надо сделать домашнее задание, пока твоя мама не вернулась домой. Мне нужно прочитать тебе все это.

Я с облегчением вздохнула.

— Может, будет проще, если я у тебя спишу?

* * *

На юго-востоке Вашингтона часто говорят про крэк. О том, как кристаллический порошок в 80-х и 90-х годах превратил столицу в город зомби, и самый тяжелый удар пришелся по Юго-Востоку. Крэк вел к отчаянию, отчаяние вело к преступлению, преступление вело к убийствам и разрушениям. Все знали кого-то, подсевшего на крэк: папина семья, семья Мандей, церковная община, даже учителя в школе. Со временем люди оправались, семьи исцелились, но следы остались, словно причудливая туча, висящая у нас над головами и время от времени затмевающая солнце мрачными воспоминаниями.

— Эй, Дре! Зажигай!

Диджей Дре из WKYS каждый год добровольно вел вечеринку в честь дня основания квартала в досуговом центре «Эд Боро». Приглашались все — местное сообщество приходило сюда повеселиться. Воздушные шары, аквагрим, клоуны, барбекю, игры и музыка. Папина группа должна была давать завершающее выступление. Мама продавала свои пироги, миссис Чарльз играла в карты с соседями, ну а мы с Мандей носились повсюду, ели хот-доги, танцевали возле диджейского пульта и прыгали на батуте вместе с Огастом.

Дело в том, что все помнят прошлое и цепляются за слухи. Люди думают, будто весь Юго-Восток — опас-

ный район, гетто. Но мы такие же, как все остальные. Мы любим вкусную еду, любим заводной стиль «гоу-гоу», любим своих родных и друзей. Можно взять эту вот вечеринку и перенести ее в любой другой уголок мира.

Столичное жилищное управление возвело этот квартал по проекту Эдварда Боро во время Второй мировой войны; на земле, которую изначально, еще в девятнадцатом веке, отдали освобожденным рабам. Этот квартал должен был стать местом общности, местом, где все можно начать заново, местом «американской мечты».

Позже застройщики осознали, насколько это лакомый кусок — у самой реки, неподалеку от центра города. Слишком ценная земля, чтобы ею владели черные.

Как удачно, что крэк бросил тень на район, который застройщики так желали заполучить! Все боялись «Эд Боро», в то время как жителям района в пору было бояться всех остальных.

Пока я танцевала возле диджейского пульта, заблудшая пчела взвилась откуда-то из мусорных баков и начала жужжать у меня над ухом.

— А-а-а! — закричала я, бегая кругами, чтобы избавиться от нее.

— Подруга, что это за танец? Спокойно, это просто букашка!

— Нет! Они же могут убить, если укусят!

— Бз-з-з-з-з! — Мандей закружила вокруг меня с озорной усмешкой, проникавшей в самое сердце.

— Хватит играть! — засмеялась я, отмахиваясь от нее.

Мы жужжали, пытаясь пережужжать друг друга, время от времени раздражаясь хохотом, а потом схватились за руки и стали кружиться, кружиться... Пока мир

не начал расплываться. Тогда мы упали в траву, глядя на проплывающие в небе облака.

— Девочки, — позвала мама из-за столика рядом с грилем, — хотите пирога?

— Да! — в один голос откликнулись мы, поднимаясь на ноги.

— Подождите, — сказала миссис Чарльз с ухмылкой, легкой рысцей подбегая от карточного стола. — Дайте я сначала отнесу пару ломтиков своим партнерам. Детям вредно столько сладкого.

Мандей захихикала и потянулась за ломтиком, который уже успела отрезать мама, но миссис Чарльз хлопнула ее по руке и прорычала:

— Я сказала — подожди, чтоб тебя! Эта шустрая малявка меня даже не слушает! Она с самого рождения была такой, честное слово!

Мандей в приступе паники отскочила от нее и врезалась в столик позади нас. Мама напряглась и нахмурилась. Взгляд Мандей, затуманенный слезами, метался между мамой и мной, после чего она слотнула. Потеряв всякую охоту жужжать, бросилась ко мне, и мы сцепились мизинцами. Подбородок Мандей дрожал.

— *Важные новости?* — прошептала я. «Ты в порядке?» Мандей только кивнула.

ОКТАБРЬ

Красные флажки.

Не румяно-красные, оранжево-красные, винно-красные или рубиново-красные. Нет, кроваво-красные флажки. Ты их видела, Клодия? Видела?

«Ты видела какие-нибудь красные флажки?»

Это вопрос, который мне задавали снова и снова, пытаюсь найти ответ. Надеюсь понять то, что никто не мог понять. Признаки. Были ли какие-нибудь признаки того, что у Мандей проблемы? Видела ли ты что-нибудь странное, что-нибудь необычное? Нет. Ничего.

Одним словом, меня называли лгуньей. Это было даже больнее, чем потерять лучшую подругу.

Если б Мандей была цветом, то только красным. Ярким, резким, бросающимся в глаза — такой ни за что не проглядишь. Как огонь свечи в темной комнате, как горящее пламя в ночи.

Я видела так много красного, что это сделало меня слепой к любым сигнальным флажкам.

Прежде

Настал и прошел сентябрь, а Мандей так и не появилась. Я звонила каждый день, но тот же самый женский голос на автоответчике твердил мне, что я ошиблась в своих дурацких попытках. В прошлый раз мы не виделись так долго — по крайней мере, во время

учебного года, — когда Мандей подхватила ужасный грипп и заразила им всю семью. С температурой под сорок она не могла даже говорить, и мама ни за что не позволила бы мне навестить ее.

Я пыталась чем-то занять себя. Рисовала, подпиливала ногти, смотрела вместе с папой футбольные матчи с участием «Вашингтон редскинз»¹. Мы даже ездили на вечеринку перед игрой на стадионе «Федэкс-филд», и мама готовила ребрышки барбекю в кузове пикапа дяди Робби. Папа учил меня футболу с тех пор, как я начала ползать. Иногда мне кажется, что он хотел иметь сына, хотя сам утверждает, будто ему нравится жить в доме, где одни женщины.

Но в школе мне было... одиноко. Каждый день без Мандей делал ее отсутствие все более ощутимым; это давило где-то у меня в мозгу, словно опухоль, от которой умерла моя двоюродная бабушка Джеки.

— Значит, твоей *подружки* так и нет, — сказала Шейла, нависая над моим столом, пока я пыталась доделать задание по английскому языку. — О-о-о, скучаешь по своей сладкой девочке? Вы больше не можете обжиматься в туалете?

Я закатила глаза и попыталась сосредоточиться на задании, представляя себя в огромном пузыре, защищающем меня. Шейла протянула руку и схватила листок с моего стола. Другие девочки захихикали.

— Тупица, все уже закончили. Почему ты такая медлительная?

Смех позади нее стал только громче. Моя рука дрогнула, когда я потянулась за своей работой. Шейла бро-

¹ «Вашингтон редскинз» — команда по американскому футболу, выступающая в Национальной футбольной лиге; с 2020 г. в силу соображений политкорректности носит название «Футбольная команда из Вашингтона».

сила листок на пол и потопталась по нему своими бордовыми кроссовками, оставляя следы, похожие на отпечатки шин. Я вскочила, забыв о том, что Шейла на добрую голову выше меня.

Мисс О'Доннелл постучала по столу линейкой.

— Эй, юные леди! — сердито крикнула она. — Что у вас там происходит?

Девочки разбежались обратно по своим местам.

— Клодия, тебе следует сосредоточиться на задании, а не болтать с подружками. Ты единственная, кто еще не сдал работу.

— Но она первая начала! — возразила я срывающимся голосом.

— Ябеда, — пробормотал тихонько кто-то.

Я опустила на свое место; губы дрожали, желудок стянуло узлом.

— Она мне не подруга, — фыркнула Шейла. — У нее вообще нет подруг.

Весь класс засмеялся, когда Шейла дала «пять» Эшли, как будто только что забила решающий гол.

— Хватит! Все открываем учебники и читаем третью главу! — велела мисс О'Доннелл. — Я хочу, чтобы это задание было сдано сегодня, Клодия.

Все уже закончили письменное задание, а я была только на третьей странице.

* * *

Очередь за обедом тянулась вдоль всей стены школьной столовой. Чтобы забрать поднос с едой, нужно было целых двадцать минут, и оставалось всего десять на то, чтобы поесть. Мы с Мандей обычно развлекались в очереди, играя в «камень-ножницы-бумага», планируя танцевальные репетиции или выбирая наши любимые

гоу-гоу-ремиксы. До второго класса мама каждый день давала мне с собой обед. Миссис Чарльз не могла позволить себе такого, поэтому я сказала маме, что хочу обедать в школьной столовой. Так мы с Мандей могли всегда быть вместе — неразлучные близнецы.

Без нее время в очереди тянулось целую вечность. Без нее я ела в одиночестве. Но одиночество делало меня целью, а у меня не было времени на тупых мальчишек, кидающихся едой. Поэтому в тот день я пропустила обед — макароны с тефтелями, — и пошла искать единственную во всей школе учительницу, которая хорошо знала Мандей.

— Клодия? Что ты здесь делаешь?

Мисс Валенте, преподававшая у нас английский в седьмом классе, была моей самой любимой учительницей за все школьные годы. Она стирала надписи маркером с белой доски. Мисс Валенте была молодой, умной и практичной, одевалась неизменно стильно и знала всю музыку, которую слушали мы, ученики. Мама сказала, что она напоминает ей Хэлли Берри¹, и папа охотно согласился.

— Здравсьте, мисс Валенте.

— Нечего тут «здраськать». Почему ты не в столовой вместе с Мандей?

Я едва не споткнулась на ровном месте.

— Вы видели ее? Где?

Она скрестила руки на груди, а губы дрогнули в намеке на улыбку.

— Нет, сегодня не видела. Но я знаю, что Мандей здесь. Видит бог, она ни единого учебного дня не пропустила.

¹ Хэлли Мария Берри (р. 1966) — известная американская актриса, режиссер.

Разочарование было подобно ведру ледяной воды, и все мои надежды стекли на пол, как эта вода.

— Ее здесь нет, — промямлила я.

Мисс Валенте моргнула.

— Что ты имеешь в виду?

— Она не ходит в школу.

— Тогда... где же она?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Я надеялась, что, может быть, вы знаете или слышали что-нибудь...

Мисс Валенте нахмурилась и положила губку на стол.

— Пойдем. Зайдем в школьный офис и посмотрим, что нам удастся узнать.

Мы вместе направились по коридору в главный офис. Мисс Валенте рассказала мне о своей свадьбе, состоявшейся летом, и о свадебном путешествии по Европе вместе с женой. Я рассказала, как провела лето у бабушки. Мне всегда казалось, что на мисс Валенте можно положиться, поэтому я без проблем призналась ей в том, что не видела Мандей с июня и ужасно за нее волнуюсь.

— Я уверена, что есть какое-то логичное объяснение, — сказала она, мягко подтолкнув меня плечом. — Такую девушку, как Мандей, трудно потерять.

Я кивнула, молясь о том, чтобы это было правдой.

— Так почему сегодня я вижу вас в первый раз? — спросила я. — Где вы прятались?

— Ха! Ты что, соскучилась по мне, или как?

Я хихикнула.

— Ну, вроде того. Все остальные учителя жутко... скучные.

— В школе нехватка персонала, поэтому меня попросили вести уроки у пятиклассников и побыть

классным руководителем, поэтому в этом году я постоянно торчу в восточном крыле. Но, знаешь... если ты по мне скучаешь, то всегда можешь перейти на «Темную сторону», и я дам тебе дополнительное домашнее задание. Я знаю, тебе это понравится.

— Все лучше, чем у мисс О’Доннелл.

Мисс Валенте подняла брови и хмыкнула.

— А-а... Она человек тяжелый, но справедливый. Она хорошо подготовит тебя к старшей школе. Я видела, как ученики приходили навестить мисс О’Доннелл и признавались, что ошибались на ее счет.

— Посмотрим... — я вздохнула. — Жаль только, что Мандей нет сейчас вместе со мной.

— Ну, может быть, вы будете вместе в одном классе на следующий год — в старшей школе... К слову говоря, ты уже надумала, куда хочешь поступать?

— В школу Баннекера¹, — выпалила я отрепетированный ответ. Это было решение, которое Мандей приняла за нас обеих.

— Ого!.. Что ж, это хорошая школа. Я знаю нескольких учеников, которые туда перешли.

— Да, но ведь туда очень трудно поступить, верно?

— Я не стала бы волноваться об этом. Ты очень умная, так что отлично справишься. А о каких-нибудь других школах ты не думала?

Я задержала дыхание и поскребла ногтем рукав.

— Э-э... Я не знаю. Все зависит от того, куда хочет пойти Мандей.

— Знаю. Но куда хочешь пойти *ты*?

Я пожала плечами. Честно говоря, я особо не думала об этом.

¹ Старшая школа имени Бенджамина Баннекера, расположенная в Вашингтоне.

Мисс Валенте засмеялась; мы были уже у дверей школьного офиса.

— Вы с ней — два сапога пара, это уж точно.

Мисс Кларк сидела за компьютером в приемной, разложив перед собой обед: бутерброды из белого хлеба с тунцом и пакет крабовых чипсов. Такие же любила Мандей.

— Привет, Сюзен. Ты можешь быстренько мне помочь? Я ищу свою прошлогоднюю ученицу, Мандей Чарльз.

Мисс Кларк кивнула и откусила бутерброд, прежде чем нажать несколько клавиш. Я балансировала на пятках, стараясь сдерживать улыбку. Мисс Валенте похлопала меня по плечу, но я не могла успокоиться. Сейчас мы найдем Мандей!

Мисс Кларк перестала печатать и посмотрела в монитор поверх своих огромных очков.

— Хм-м... Не зарегистрирована.

— Э-э... ладно. А как насчет ее младшего брата? Огаст Чарльз.

Мисс Кларк ухмыльнулась.

— Погодите, эту девушку зовут Мандей, а ее младшего брата — Огаст?

Мисс Валенте подняла бровь и поджала губы.

— Да, как знаменитого драматурга Огаста Уилсона.

— И Тьюздей Чарльз, — добавила я. — Она должна была пойти в детский сад.

Мисс Кларк пожала плечами и снова защелкала клавишами компьютера со скучающим видом. Потом покачала головой.

— Тоже не зарегистрированы. Они не могли переехать?

Мисс Валенте посмотрела на меня.

— Ее мать все еще живет в том же самом доме. Я... э-э... видела ее.

— Но не видела Мандей?

Мисс Валенте оглянулась на мисс Кларк и напряженно улыбнулась.

— Я знаю, что преподаю в этой школе всего пару лет, но во время моей работы в Нью-Йорке, если ученик не появлялся на уроках и оказывался не зарегистрирован в школе, то этот случай расследовали. Разве здесь не так?

— Многие ученики в этом году не пришли снова в школу. Большинству пришлось переехать из-за высокой квартплаты и всего такого прочего. Но я напишу записку.

После

Дорогая Мандей!

Мисс Мэнис пиривила меня в пятую группу в джазе! Со старшекласницами! Она сделала так токо для меня. Тут девушки учатся в танцевальных командах — и гостролируют! Я, мама и папа ходили в «Чили», чтобы это отпразновать. Жаль, что тебя не было.

— Как она попала в этот класс? — Девушка с короткими густыми волосами вытянулась вверх, потом склонилась к своим ступням, не сдвигаясь с места, и позволила рукам свободно свисать до самого деревянного пола студии. Она подняла голову и посмотрела на мое отражение в настенном зеркале «Женской танцевальной школы Мэнис». — И сколько ей — лет двенадцать?

Другая девушка непринужденно сидела на шпагате рядом с ней; ее волосы были затянуты в высокий пучок. У обеих была кожа цвета кофе со сливками, и обе

были одеты в черные трико, розовые лосины и танцевальные шорты.

— Не, она не настолько маленькая. И ты видела ее на прошлой репетиции. Она там зажгла!

В классе было десять девочек: несколько учениц из разных классов старшей школы, одна второкурсница и три первокурсницы — и странное дополнение в виде меня. Гнедая лошадка в стаде единорогов.

— Да, но разве этого достаточно, чтобы перейти из четвертой группы?

Сохраняя дистанцию, я разминалась в углу у окна, прослушивая на своем «Айподе» последний альбом папиной группы. Гоу-гоу — не классическая музыка, но мне нужен был заряд адреналина.

Я развернула носки черных балеток, которые купил мне папа, в сторону окна, и ухватила себя за подъем ступней, чувствуя, как напрягаются еще не размявшиеся сухожилия. Разогретые мышцы позволят тебе подпрыгнуть выше и приземлиться, как перышко, а не кирпич. Так говорила нам мисс Мэнис. Именно это больше всего нравилось мне в ней. То, как она умела объяснить все правильными *запоминающимися* словами, то, как она вводила в наши выступления движения из хип-хопа, джаза и балета, то, какую музыку она выбирала, что у меня даже не возникало желания уснуть.

Еще одна девушка, более полная, чем две других, с тяжелым вздохом забросила ногу на станок перед зеркалом.

— Разве ей не следует быть с малявками, потому что...

Улыбка девушки с высоким пучком погасла.

— Шеннон, хватит задираться. Мисс Мэнис велела оставить ее в покое. Так что оставь ее в покое.

Девушка с короткой стрижкой выдохнула, прогибаясь назад.

— Ну ладно, пока она не портит нам репетиции и не выставляет нас всех идиотками...

Я сделала несколько коротких нервных вдохов, притворяясь сосредоточенной, но моя уверенность ускользала сквозь дрожащие пальцы. Что, если я не впишусь в пятую группу? Что, если я недостаточно хороша? А если и достаточно, не станут ли другие девочки в классе ненавидеть меня за это? У меня и так было достаточно проблем в обычной школе, а добавлять к этому такие же проблемы в танцевальной мне совсем не хотелось.

— Интересно, какую песню мисс Мэнис даст ей для соло, — произнесла Высокий Пучок, вращая шеей против часовой стрелки.

Я могла бы пройти весь танцевальный сезон, не сказав ни слова девушкам из моего класса. У меня не получалось заводить новых друзей, да и никогда не было в этом нужды. Мандей вполне достаточно. Но когда она исчезла, оставшаяся после нее пустота расползлась во все стороны, неожиданно захватив все части моей жизни. Я ловила себя на том, что гадаю: а как поступила бы Мандей?

Вошла мисс Мэнис и хлопнула в ладоши, привлекая наше внимание. Мы построились, заиграла музыка. После разминки начались более интенсивные упражнения. Стоя в дальнем углу комнаты, я отсчитывала ритм и наблюдала за танцевальной поступью мисс Мэнис, стараясь не встречаться взглядом с другими девочками. Они оценивали меня, словно измеряя незримой портновской лентой. Но я должна была пробиться. Я представляла, что нахожусь в невидимом пузыре, где их сплетни не могут мне навредить; вооб-

ражала, что меня охраняет непроницаемое силовое поле.

В последние двадцать минут занятия мы начали разучивать первые шаги связки, которая в итоге должна была стать частью большого выступления в июне. Наша танцевальная школа для темнокожих девушек находилась прямо в центре Вашингтона и собирала на концертах до пяти сотен зрителей — включая мэра и сенаторов с Капитолийского холма. Девушки из пятой группы выступали в отдельной категории, а потом у каждой было сольное выступление, и в финале — общий танец. Это должно было быть моим первым соло. У меня были кое-какие идеи для выступления, но мне нужна была Мандей — она помогла бы отточить движения до полного совершенства.

Мисс Мэнис отсчитывала шаги, а мы все по очереди проделывали связку. Короткая Стрижка выступала первой. Она скользила по залу и высокомерно усмехалась в мою сторону. Предпоследней вышла Высокий Пучок, грациозно ступая и не сбиваясь со счета. После каждого прыжка она приземлялась просто идеально. Я перекатывалась с пятки на носок, ожидая своей очереди. Когда подошел мой черед, я прыгнула, высоко вскинув ногу, и развернулась перед тем, как остановиться. Мисс Мэнис одобрительно улыбнулась.

— Превосходно, Клодия.

Мой затылок прожигали завистливые взгляды, и я до конца занятия спряталась в свой пузырь. Кажется, подобная демонстрация была не лучшим способом завести знакомства.

— Я же говорила, что она хорошо танцует, — по пути к раздевалке пробормотала Высокий Пучок и подмигнула Короткой Стрижке.

— Угу. Ну и ладно.

Прежде

Нам следовало упражняться.

Это все, о чем я думала, пока альбом папиной группы играл через мини-колонку в гостиной. Когда Мандей вернется оттуда, где она спряталась, нам нужно будет как следует поработать. Мы не можем бездельничать. Нам нужно быть суперкрутыми, чтобы в старшей школе попасть в танцевальную команду. Мы даже обе можем стать капитанами команды. Все захотят быть похожими на нас — лучшими танцовщицами и самыми популярными девчонками в школе.

Увлечись ритмами гоу-гоу, я мимолетом увидела свое отражение в настенном зеркале и заметила, как раскачиваются мои ягодицы от движений бедер. Я медленно присела, уперевшись ладонями в колени и выпятив зад; довольно непривычно было задействовать эти мышцы во время танца, и сейчас буквально приходилось заставлять их двигаться так, как мне хотелось.

Мандей иногда делала так — тверкала¹ перед зеркалом, как девушки в роликах, которые мы смотрели. Лицо бесстрастное и сосредоточенное, как будто она решала мировые проблемы, и я смеялась над этим до слез, но теперь увидела ключевой момент этого. Притягательность. То, как эти несколько движений превращали меня из маленькой девочки в горячую девушку. *Сексуальную*. Я никогда не применяла к себе это слово, но сейчас увидела в себе отблеск этой сексуальности. И мне понравилось.

Мама спустилась до середины лестничного пролета и рассмеялась.

¹ Тверкинг (сокр. тверк) — танец, в движениях которого активно используется работа ягодиц и бедер.

— Не покалечься так, дочка!
— Мам! — вскрикнула я, убегая из гостиной.
— Не позволяй отцу увидеть, как ты танцуешь это.
Пойдем, вытащим тебя из дома ненадолго.

* * *

Мы припарковались у торгового центра. Машин на стоянке было много — суббота все-таки... Я толкала тележку, а мама сверялась с длинным списком. Она планировала обеды заранее, потому что папа мог в одиночку съесть целую курицу, оставив нам только голые косточки.

Мама шипела и обзывала его «пылесосом», но только в шутку. Ей нравилось, что он так любит ее стряпню.

— Только не слишком жирное, Крис, — сказала мама мяснику за прилавком. — Моему старичку вредно столько холестерина.

Мясник засмеялся.

— Да, госпожа начальница... Что-нибудь еще?

Мама знала, как флиртовать с мясниками, чтобы они выбрали для нее лучшие куски, а те ценили ее любовь к ростбифам и бараньим отбивным.

— Говядина для обжарки, — добавила мама, глядя в список. — Но полоски нужны потолще.

— Понятно.

Я прислонилась к тележке, полной консервов и свежих овощей, и уткнулась в журнал «Севентин», прячась от усмешки, которую мама выдавала всякий раз, когда смотрела на меня.

— О-о-о, мам, ты посмотри, какой красный цвет! — сказала я, указывая на рекламу лака для ногтей.

— Горошинка, разве у тебя мало красных лаков?

— Это не просто красный — это *синий* красный! И это гелевое покрытие! К нему даже набор прилагается.

Мама покачала головой и переключила внимание на горку индюшачьих гузок.

— Видит бог, только ты способна найти отличие...

В этот момент что-то промелькнуло на краю моего поля зрения. Я подняла взгляд и увидела ее. *Мандей*. Она стояла около хлебного отдела. Даже со спины я не могла не узнать эту джинсовую куртку с воротником в красную полоску и стразами. Ту куртку, которую отдала ей я. Колени у меня так подкосились, что пришлось навалиться на тележку, чтобы не упасть.

— Мандей? — выдохнула я.

Она не услышала меня и свернула налево, к следующему отделу. Бросив журнал в тележку, я кинулась за Мандей так, что закрипели подошвы кроссовок по полу.

— Мандей! — крикнула я, слыша облегчение в собственном голосе. В груди у меня пульсировала радость. Никогда прежде мне не приходилось бегать так быстро — это была погоня за мечтой после пережитого кошмара. Я обогнула угол — и мое сердце разбилось о стену. Вблизи девушка в моей куртке, идущая по проходу между полок, оказалась намного выше, но я все равно вытолкала из горла имя:

— Мандей?

Девушка вздрогнула, словно от выстрела, и медленно обернулась. Я задохнулась, едва-едва узнав ее лицо.

— Эйприл?

Ее плечи поникли, как будто сама мысль откликнуться на собственное имя лишала сил.

— Чего тебе? — выдохнула она; голос ее звучал тихо и угрюмо. Старшая сестра Мандей выглядела... стар-

ше. Кожа у нее словно выцвела, под глазами виднелись большие черные мешки; она походила скорее на мать моих ровесников, чем на шестнадцатилетнюю девушку.

— Э-э... а где Мандей? — спросила я, продолжая пялиться на свою куртку.

Эйприл сжала губы, глядя мне прямо в глаза.

— Она... гостит у нашей тети.

— У вашей тети? — У Мандей действительно была тетя в Лореле, в Мэриленде. Но моя подруга уже много лет не упоминала о ней.

Я заглянула в тележку Эйприл. Три упаковки макарон с сыром, пакет сырных подушечек, белый хлеб, фруктовая смесь для пунша и банка арахисового масла. Мандей нельзя было есть арахисовое масло.

— Э-э... да.

— Она переехала к ней, что ли? Она уже пропустила целый месяц в школе.

Эйприл втянула воздух сквозь зубы.

— Не знаю.

Я слотнула, не в состоянии достаточно быстро собраться с мыслями.

— А ты можешь дать мне ее номер, чтобы позвонить?

— У моей тети сейчас нет телефона, — ответила Эйприл, стискивая ручку тележки. — И вообще, мне нужно идти.

Я лихорадочно старалась придумать еще какие-нибудь вопросы, чтобы задержать ее подольше. Пусть даже Эйприл изображала глыбу льда — она была сестрой Мандей. Ниточкой, ведущей к моей лучшей подруге.

— Но... как ты думаешь, когда Мандей вернется домой?